

Иван Дмитриевич Якушкин

Записки И.Д. Якушкина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я49

Я49 **Якушкин И.**
Записки И.Д. Якушкина / Иван Дмитриевич Якушкин – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 165 с.

ISBN 978-5-521-39675-7

ISBN 978-5-521-39675-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

*)

I.

Война 1812 года пробудила народъ русскій къ жизни и составляетъ важный періодъ въ его политическомъ существованіи. Всѣ распоряженія и усилія правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторишихся въ Россію галловъ и съ ними двенадцать языцы, если бы народъ попрежнему остался въ оцѣпененіи. Не по распоряженію начальства жители при приближеніи Французовъ удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе. Не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы. По рязанской дорогѣ, направо и налѣво, поле было покрыто пестрой толпой, и мнѣ теперъ еще помнятся слова шедшаго около меня солдата: «Ну, слава Богу, вся Россія въ походъ пошла!» Въ рядахъ даже между солдатами не

*) Настоящее изданіе записокъ И. Д. Якушкина является первымъ полнымъ изданіемъ. Онѣ выдержали уже три изданія, но всѣ онѣ по независимымъ отъ издателей и досаднымъ для нихъ обстоятельствамъ не могли выйти въ полномъ видѣ. Хотя надо сказать, и теперь пришлось нѣсколько словъ замѣнить точками. Кромѣ упомянутыхъ изданій первыя двѣ части записокъ были напечатаны А. И. Герценомъ въ Лондонѣ въ 1862 г. и особо были еще перепечатаны въ 1874 и въ Лейпцигѣ; третья часть была помѣщена въ *Русскомъ Архивѣ* за 1870 годъ.

Текстъ записокъ въ настоящемъ изданіи перепечатывается съ разрѣшенія В. Е. Якушкина, съ третьяго изданія, напечатаннаго по подлинной рукописи. Пропуски же вставлены по Герценовскому изданію 1862 года: редакціи не удалось воспользоваться рукописью записокъ. *Ред.*

было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ.

Императоръ Александръ, оставившій войско прежде витебскаго сраженія, возвратился къ нему въ Вильну. Конечно, никогда прежде и никогда послѣ не былъ онъ такъ сближенъ съ своимъ народомъ, какъ въ это время, въ это время онъ его любилъ и уважалъ. Россія была спасена, но для императора Александра этого было мало; онъ двинулся за границу съ своимъ войскомъ для освобожденія народовъ отъ общаго ихъ притѣснителя. Прусскій народъ, втоптанный въ грязь Наполеономъ, первый отозвался на великодушное призваніе императора Александра; все возстало и вооружилось. Въ 13-мъ году императоръ Александръ пересталъ быть царемъ русскимъ и обратился въ императора Европы. Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждого къ свободѣ, онъ былъ прекрасенъ въ Германіи; но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ 14-мъ году въ Парижъ. Тутъ союзники, какъ алчные волки были готовы броситься на павшую Францію. Императоръ Александръ спасъ ее; предоставилъ даже ей избрать родъ правленія, какой она найдетъ для себя болѣе удобнымъ, съ однимъ только условіемъ, что Наполеонъ и никто изъ его семейства не будетъ царствовать во Франціи. Когда увѣрили императора Александра, что французы желаютъ имѣть Бурбоновъ, онъ поставилъ въ непремѣнную обязанность Людовику XVIII даровать права своему народу, обезпечивающія до нѣкоторой степени его независимость. Хартія Людовика XVIII дала возможность французамъ продолжать начатое ими дѣло въ 89-мъ году. Въ это время республиканецъ Лагарпъ могъ только радоваться дѣйствіями своего царственного питомца.

Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло не измѣнить возрѣнія хоть сколько-нибудь мыслящей русской моло-

дежи; при такой огромной обстановкѣ каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ.

Изъ Франціи, въ 14-мъ году, мы возвратились моремъ въ Россію. 1-ая гвардейская дивизія была высажена у Ораніенбаума и слушала благодарственный молебенъ, который служилъ оберъ-священникъ Державинъ. Во время молебствія полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагопріятное впечаталѣніе по возвращеніи въ отечество. Я получилъ позволеніе уѣхать въ Петербургъ и ожидать тамъ полкъ. Остановившись у однополчанина Толстого (теперь сенатора), мы отправились вмѣстѣ съ нимъ во фракахъ взглянуть на 1-ую гвардейскую дивизію, вступающую въ столицу. Для ознаменованія великаго этого дня были выстроены на скорую руку у петергофскаго въѣзда ворота и на нихъ поставлены шесть алебастровыхъ лошадей, знаменующихъ шесть гвардейскихъ полковъ 1-ой дивизіи. Толстой и я, мы стояли недалеко отъ золотой кареты, въ которой сидѣла императрица Марія Ѳеодровна съ вел. княжной Анной Павловной. Наконецъ показался императоръ, предводительствующій гвардейской дивизіей, на славномъ рыжемъ конѣ, съ обнаженной шпагой, которую онъ уже готовъ былъ опустить передъ императрицей. Мы имъ любовались; но въ самую эту минуту, почти передъ его лошадыю перебѣжалъ черезъ улицу мужикъ. Императоръ далъ шпоры своей лошади и бросился на бѣгущаго съ обнаженной шпагой. Полиція приняла мужика въ палки. Мы не вѣрили собственнымъ глазамъ, и отвернулись, стыдясь за любимаго нами царя. Это было во мнѣ первое разочарованіе на его счетъ; я невольно вспомнилъ о кошкѣ, обращенной въ красавицу, которая однакожь не могла видѣть мыши, не бросившись на нее.

Въ 14-мъ году существованіе молодежи въ Петербургъ было томительно. Въ продолженіи двухъ лѣтъ мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія

судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на 100 лѣтъ впередъ. Въ 15-мъ году, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и вторгся во Францію, гвардіи былъ объявленъ походъ, и мы ему обрадовались, какъ неожиданному счастью. Походъ этотъ отъ Петербурга до Вильны и обратно былъ для гвардіи прогулкой. Въ томъ же году мы возвратились въ Петербургъ. Въ Семеновскомъ полку устроилась артель: человекъ 15 или 20 офицеровъ сложились, чтобы имѣть возможность обѣдать каждый день вмѣстѣ; обѣдали же не одни вкладчики въ артель, но и всѣ тѣ, которымъ по обязанности службы приходилось проводить цѣлый день въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали громко иностранныя газеты и слѣдили за происшествіями въ Европѣ,—такое времяпрепровожденіе было рѣшительно нововведеніе. Въ 11-мъ году, когда я вступилъ въ Семеновскій полкъ, офицеры, сходявшись между собою, или играли въ карты, безъ зазрѣнія совѣсти надувая другъ-друга, или пили и кутили на пропалую. Полковой командиръ Семеновскаго полка генералъ Потемкинъ покровительствовалъ нашу артель и иногда обѣдалъ съ нами; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ императоръ Александръ приказалъ Потемкину прекратить артель въ Семеновскомъ полку, сказалъ, что такого рода сборища офицеровъ ему очень не нравятся. Императора однакоже все еще любили, помня, какъ онъ былъ прекрасенъ въ 13 и 14 годахъ, и потому ожидали его въ 15-мъ съ нетерпѣніемъ. Наконецъ появился флагъ на Зимнемъ дворцѣ, и въ тотъ же день велѣно всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ быть на выходѣ. Всѣхъ удивило, что при этомъ не было артиллерійскихъ офицеровъ; они пріѣзжали, но ихъ не пустили во дворецъ. Полковникъ Таубе донесъ госу-

дарю, что офицеры его бригады въ сношеніи съ нимъ позволили себѣ дерзость. Таубе былъ ненавидимъ и офицерами и солдатами; но вслѣдствіе его доноса два князя Горчакова (главнокомандующій на Дунаѣ и бывшій генераль-губернаторъ Западной Сибири) и еще пять отличныхъ офицеровъ были высланы въ армію. Происшествіе это произвело непріятное впечатлѣніе на всю армію. До слуха всѣхъ безпрестанно доходили изреченія императора Александра, въ которыхъ выражалось явное презрѣніе къ русскимъ. Такъ, напр., при смотрѣ при Вертю, во Франціи, на похвалы Веллингтона устройству русскихъ войскъ, императоръ Александръ во всеуслышаніе отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ онъ обязанъ иностранцамъ, которые у него служатъ. Генераль-адъютантъ гр. Ожеровскій, родственникъ Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, возвратившись однажды изъ дворца, рассказалъ имъ, что императоръ, говоря объ русскихъ вообще, сказалъ, что каждый изъ нихъ или плутъ или дуракъ, и т. д.

По возвращеніи императора въ 15-мъ году, онъ просилъ у министровъ на мѣсяць отдыха; потомъ передалъ почти все управленіе государствомъ графу Аракчееву. Душа его была въ Европѣ; въ Россіи же болѣе всего онъ заботился объ увеличеніи числа войскъ. Царь былъ всякій день у развода; во всѣхъ полкахъ начались ученія, и шагистика вошла въ полную свою силу.

Служба въ гвардіи стала для меня несносна. Въ 16-мъ году говорили о возможности войны съ турками, и я подалъ просьбу с переводѣ меня въ 37-ой егерскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Фонвизинъ, знакомый мнѣ еще въ 13-мъ году и извѣстный въ арміи за отличнаго офицера. Въ это время Сергѣй Трубецкой, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы и я—мы жили въ казармахъ и очень часто бывали вмѣстѣ съ тремя братьями Муравьевыми: Александромъ, Михаиломъ и Николаемъ. Никита Муравьевъ также часто видался

съ нами. Въ бесѣдахъ нашихъ обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ почти была каторга; повсемѣстное лихоимство, грабительство и наконецъ явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, большею частію состояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться котораго-нибудь изъ вопросовъ насъ занимавшихъ показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего.

Одинъ разъ Трубецкой и я—мы были у Муравьевыхъ, Матвѣя и Сергѣя; къ нимъ пріѣхали Александръ и Никита Муравьевы съ предложеніемъ составить Тайное Общество, цѣль котораго, по словамъ Александра, должна была состоять въ противодѣйствіи нѣмцамъ, находящимся въ русской службѣ. Я зналъ, что Александръ и его братья были враги всякой нѣмчизнѣ, и сказалъ ему, что никакъ не согласенъ вступить въ заговоръ противъ нѣмцевъ: но что если бы составилось Тайное Общество, членамъ котораго поставлялось бы въ обязанность всѣми силами трудиться для блага Россіи, то я охотно вступилъ бы въ такое Общество. Матвѣй и Сергѣй Муравьевы на предложеніе Александра отвѣчали почти то же, что и я. Послѣ нѣкоторыхъ преній Александръ признался, что предложеніе составить общество противъ нѣмцевъ было только пробное предложеніе, что самъ онъ, Никита и Трубецкой условились еще прежде составить общество, цѣль котораго была въ обширномъ смыслѣ блага Россіи. Такимъ образомъ положено основаніе Тайному Обществу, которое существовало, можетъ быть, не совсѣмъ безплодно для Россіи.

Было положено составить уставъ для Общества и въ началѣ принимать въ него членовъ не иначе, какъ

съ согласія всѣхъ шестерыхъ насъ. Вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ изъ Петербурга въ 37-ой егерскій полкъ. Заѣхавъ по пути къ дядѣ, который управлялъ небольшимъ моимъ имѣніемъ въ Смоленской губерніи, я ему объявилъ, что желаю освободить своихъ крестьянъ. Въ это время я не очень понималъ, ни какъ это можно было устроить, ни того, что изъ этого выйдетъ; но имѣя полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе мерзость, я былъ проникнутъ чувствомъ прямой моей обязанности освободить людей, отъ меня зависящихъ. Мое предложеніе дядя выслушалъ даже безъ удивленія, но съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ; онъ былъ увѣренъ, что я сошелъ съ ума.

Приѣхавъ въ Сосницы, гдѣ была штабъ-квартира 37-го егерскаго полка, я узналъ, что этотъ полкъ долженъ быть расформированъ и въ кадрахъ идти въ Москву. Фонвизинъ совѣтовалъ мнѣ не принимать роты и обошелся со мной не такъ, какъ полковой мой командиръ, но какъ самый любезный товарищъ. Мы были съ нимъ неразлучны цѣлый день и всякій день просиживали вмѣстѣ далеко за полночь; всѣ вопросы, занимавшіе насъ въ Петербургѣ, были столько же близки ему, какъ и намъ. Въ разговорахъ нашихъ мы соглашались, что для того, чтобы противодѣйствовать всему злу, тяготѣвшему надъ Россіей, необходимо было прежде всего противодѣйствовать старовѣрству законсѣлаго дворянства и имѣть возможность дѣйствовать, на мнѣніе молодежи; что для этого лучшимъ средствомъ учредить Тайное Общество, въ которомъ каждый членъ, зная, что онъ не одинъ, и излагая свое мнѣніе передъ другими, могъ бы дѣйствовать съ болѣею увѣренностью и рѣшимостью. Наконецъ Фонвизинъ сказалъ мнѣ, что если бы такое Общество существовало, состоя только изъ 5 человѣкъ, то онъ тотчасъ бы вступилъ въ него. При этомъ я не могъ воздержаться, чтобы не довѣрить ему осуществленіе Тайнаго Общества въ Петербургѣ и что я принадлежу къ

нему. Фонвизинъ тутъ же присоединился къ намъ. Съ первой почтой я извѣстилъ Никиту Муравьева о важномъ приобрѣтеніи, какое я сдѣлалъ для нашего Общества въ лицѣ полковника Фонвизина, и надѣялся получить за это отъ нихъ отъ всѣхъ благодарность; но напротивъ получилъ строгій выговоръ за то, что поступилъ противъ условій между нами, въ силу которыхъ никто не имѣлъ права принимать никого въ Тайное Общество безъ предварительнаго на то согласія прочихъ членовъ; и я чувствовалъ, что по всей справедливости своей опрометчивостью я заслужилъ такой выговоръ.

Въ началѣ 17-го года я пріѣхалъ въ Москву, и скоро послѣ того прибылъ въ кадрахъ 37-ой егерскій полкъ, котораго штабъ-квартира была назначена въ Дмитровъ; не командуя ротой, я жилъ въ Москвѣ и ходилъ во фракъ въ ожиданіи сентября, чтобы подать въ отставку. Фонвизинъ большую часть времени также проживалъ въ Москвѣ и также хотѣлъ оставить службу. Въ это время войска, бывшія во Франціи у графа Воронцова, возвращались въ Россію. Полки Апшеронскій и 38-ой егерскій, привезенные на судахъ, были на смотру у царя въ Петербургѣ. Онъ ужаснулся, увидѣвъ, какъ мало люди были выправлены, и прогналъ ихъ со смотра. 37-ой егерскій полкъ поступилъ въ 5-ый корпусъ. Командиръ этого корпуса графъ Толстой, дивизіонный командиръ кн. Хованскій и бригадный генералъ Полтавскій (Константинъ Марковичъ), коротко знакомые съ Фонвизинимъ, уговорили его принять 38-ой егерскій полкъ, и его назначили командиромъ этого полка. Прощаясь съ 37-мъ егерскимъ полкомъ, Фонвизинъ прослезился, и офицеры и солдаты также плакали. Въ этомъ полку палка была уже выведена изъ употребленія. Принявъ 38-ой егерскій полкъ, задача для Фонвизина состояла, кромѣ обмундировки, выправка людей настолько, чтобы полкъ могъ пройти передъ царемъ въ парадѣ, не сбившись съ ноги. Фонвизинъ началъ съ

того, что сблизился съ ротными командирами, поручилъ имъ первоначальную выpravку людей и рѣшительно запретилъ при ученіи употреблять палку. Для подпрапорщиковъ онъ завелъ училище и нанималъ для нихъ учителей; вообще въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ истратилъ на полкъ болѣе 20,000 р., зато въ концѣ года царь, увидѣвъ 38-ой егерскій полкъ въ парадѣ, былъ отъ него въ восторгѣ и изъяснилъ Фонвизину благодарность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Въ концѣ 17-го года вся царская фамилія переѣхала въ Москву и прожила тутъ мѣсяцевъ 9 или 10. Еще въ августѣ прибылъ въ Москву отдѣльный гвардейскій корпусъ, состоящій изъ первыхъ батальоновъ всѣхъ пѣшихъ и первыхъ эскадроновъ всѣхъ конныхъ полковъ. При корпусѣ была также артиллерія. Командовалъ этимъ отрядомъ генераль Розень, а начальникомъ штаба былъ Александръ Муравьевъ. Вмѣстѣ съ отрядомъ прибыли Никита, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы. Михайло Муравьевъ, вступившій уже въ Общество, пріѣхалъ также въ Москву. Въ мое отсутствіе Общество очень распространилось; въ Петербургѣ было принято много членовъ, въ числѣ которыхъ былъ Бурцевъ (послѣ уже генераль-маіоромъ убитый на Кавказѣ) и Пестель, адъютанты гр. Витгенштейна. Пестель составилъ первый уставъ для нашего Тайнаго Общества. Замѣчательно было въ этомъ уставѣ, во-первыхъ, то, что на вступающихъ въ Тайное Общество возлагалась обязанность ни подъ какимъ видомъ не покидать службы, съ тою цѣлью, чтобы современемъ всѣ служебныя значительныя мѣста по военной и гражданской части были въ распоряженіи Тайнаго Общества; во-вторыхъ, было сказано, что если царствующій императоръ не дастъ никакихъ правъ независимости своему народу, то ни въ какомъ случаѣ не присягать его наслѣднику, не ограничивъ его самодержавія.

По прибытіи въ Москву Муравьевы, особенно Михайло, находили уставъ, написанный въ Петербургѣ,

неудобнымъ для первоначальныхъ дѣйствій Тайнаго Общества. Было положено приступить къ сочиненію новаго устава и при этомъ руководствоваться печатнымъ нѣмецкимъ уставомъ, привезеннымъ княземъ Ильей Долгорукимъ изъ-за границы и служившимъ пруссакамъ для тайнаго соединенія противъ французовъ. Пока изготовлялся уставъ для будущаго Союза Благоденствія, было учреждено временное Тайное Общество подъ названіемъ Военнаго. Цѣль его была только распространеніе Общества и соединеніе единомыслящихъ людей. У многихъ изъ молодежи было столько избытка жизни при тогдашней ея ничтожной обстановкѣ, что увидѣть передъ собой прямую и высокую цѣль почиталось уже блаженствомъ, и потому немудрено, что всѣ порядочные люди изъ молодежи, бывшей тогда въ Москвѣ, или поступили въ Военное Общество или по единому слю сочувствовали членамъ его. Обыкновенно собирались или у Фонвизина, съ которымъ я тогда жилъ, или въ Хамовникахъ, у Александра Муравьева, въ домѣ, въ которомъ жилъ также начальникъ гвардейскаго отряда генераль Розень. Собранія эти все болѣе и болѣе становились многолюдны, на этихъ совѣщаніяхъ бывали между прочими оба Перовскіе (министръ удѣловъ и оренбургскій генераль-губернаторъ), толковали о тѣхъ же предметахъ, важность которыхъ насъ всѣхъ занимала. Къ прежде бывшимъ присоединилось еще новое зло для Россіи: императоръ Александръ, давно замышлявшій военныя поселенія, приступилъ теперь къ ихъ учрежденію. Графу Аракчееву было поручено привести въ исполненіе предначертанія, составленныя самимъ царемъ для устройства военныхъ поселеній. Графъ Аракчеевъ, во всѣхъ случаяхъ гордившійся тѣмъ, что онъ только неизмѣнное орудіе самодержавія, и въ этомъ случаѣ не измѣнилъ себя. Въ Новгородской губерніи казенные крестьяне тѣхъ волостей, которыя были назначены подъ первыя военныя поселенія, чуя чутъемъ русскаго человѣка для себя